

Творцы и мыслители

А.А. Лебедеико

Григорий Сковорода: жизнь сердца

О храме покоя:

- Да можно ль всем достать его?*
- Можно всем.*
- Где ж его можно достать?*
- Везде.*
- Когда?*
- Всегда.*
- Для чего ж не все имеют?*
- Для того что иметь не желают!*

*Г.С. Сковорода. Разговор пяти
спутников об истинном
счастье жизни*

Григорий Саввич Сковорода, странствующий украинский философ-подвижник, поэт, педагог, оставил столь заметный след в сокровищнице мировой мысли, что возвращаться к его простым и глубоким текстам можно вновь и вновь. Он родился 22 ноября (3 декабря) 1722 года в селе Чернухи Полтавской губернии, умер в селе Ивановка Харьковской губернии 29 октября (9 ноября) 1794 года. Учился в Киево-Могилянской академии, преподавал в Переяславской семинарии, в Харьковском коллегиуме, был домашним учителем. Его жизнь – ярчайший пример испытания

себя на дорогах мудрости и подвига; сочинения этого выдающегося мыслителя были широко известны и распространялись в рукописях задолго до его кончины.

Гражданин Вселенной

С именем Сковороды связывают становление русской философии XVIII века, которая выходит за рамки западноевропейской рационалистической мысли и в то же время продолжает лучшие традиции философской антропологии античности. Тарас Шевченко в повести «Близнецы» уподобил Сковороду кинику Диогену. Большой интерес к творчеству мыслителя проявлял Лев Толстой, составивший его краткую биографию¹. Григорий Сковорода – один из тех людей, кто вобрал в себя таланты родной земли и чья судьба во многом схожа с судьбой Ломоносова, гениального выходца из народа. Сковорода стал предтечей университетской науки в России, которую начал строить великий русский ученый. Его считали выдающимся поэтом, гражданином всемирным. Вся подвижническая жизнь Сковороды насыщена «метафизической документальностью»². И если справедливо утверждение Шеллинга, что «поэзия есть документ философии», то так же справедливо утверждение известного русского философа В.Ф. Эрн, что Сковорода во всей своей необычной жизни, которая продолжала его мировоззрение, и в своем мировоззрении, которое было духовным опытом раскрытия его сердца, есть глубоко ценный «философский документ»³.

Сковорода как мыслитель-универсалист пришел к убеждению о вечности и беспредельности градаций материи, о господстве в природе закономерных связей, причин и следствий. Позже, исходяв пешком почти всю Европу, он скажет о бессистемном образовании в России того времени: «Если наш век или страна имеет мудрых мужей гораздо менее, нежели в других веках или сторонах», то ви-

ною тому мы сами, так как «шатаемся по бесчисленным и разнородным книг стадам без меры, без разбора, без гавани»⁴.

Мыслитель, таким образом, интуитивно прозревал цементирующую силу духовной вертикали, которая должна выстроить образование как целостную и живую систему.

Для нас наследие великого просветителя интересно как первый опыт этико-философского творчества и как первое обоснование философии сердца в русской мысли. Именно Сковорода начал развивать столь близкую русской культуре тему, как метафизика любви и философия сердца. Многие его идеи и образы получили продолжение в сочинениях таких отечественных мыслителей, как П.Д. Юркевич, Н.В. Гоголь, Вл.С. Соловьев, П.А. Флоренский, А. Белый, В.Ф. Эрн и др. Современники вспоминали, что Вл.С. Соловьев читал друзьям свои философские труды, сидя под портретом «духовного предка»⁵ – Григория Сковороды. В его творчестве, как и в творчестве С.С. Гогоцкого, П.Д. Юркевича, Н.В. Гоголя, слились две братские православные культуры, идущие от единого корня – Древней Руси.

Онтологическое учение Сковороды исходит из идеи трех миров. Первый – макрокосм, Вселенная, второй – микрокосм, человек, третий – Библия, символическая реальность, связывающая эти два мира и идеально их в себе отражающая. При этом макрокосм и микрокосм равны в своей бесконечности. Бесконечны Бытие и пространство Космоса, однако беспределен и человек. Более конкретно этот общий тезис раскрыт в его учении о биении духовных сердец мира. Символы Библии, писал Сковорода, «открывают в нашем грубом практическом разуме второй разум, тонкий, созерцательный, окрыленный, глядящий чистым и светлым оком голубицы. Библия поэтому вечно зеленеющее плодоносящее дерево. И плоды этого дерева – тайно образующие символы»⁶.

¹ Толстой Л.Н. Г.С. Сковорода // Толстовский листок. 1994. № 4. С. 37–40.

² Эрн В.Ф. Борьба за Логос. Г. Сковорода. Жизнь и учение. М., 2000. С. 491.

³ Там же. С. 492.

⁴ Соловейчик С.Л. Час ученичества. Жизнь замечательных учителей. М., 1972. С. 29.

⁵ Цит. по: История русской философии. М., 2001. С. 89.

⁶ Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 219.

Странствующий «Сократ на русской почве»

Чему учит Библия на пути духовного самопознания личности? «Она учит, как облагородствовать человеческое сердце»⁷, — отвечает Григорий Сковорода. Но первый шаг на этом пути — это понимание, что в каждом из нас два сердца — смертное и вечное, грубое и тонкое. Человек, проникающий в глубины этой дуальности и охваченный стремлением узреть в сердце истинную идею Бога, ощущает всю силу Божьего Слова.

Необычайно образованный человек, Сковорода продолжал традиции Платона, Оригена, Климента Александрийского, учения стоиков. Он был первым из философов России, кто в течение пяти лет побывал в Польше, Венгрии, Австрии, Италии, немецких княжествах и, путешествуя по чужим странам, слушал лекции в нескольких университетах Европы. Превосходно владея латынью, древнегреческим, древнееврейским и немецким языками, читал в оригинале Платона, Аристотеля, Демосфена, Вергилия, Горация, Цицерона и др. Изучал философию нового времени — Декарта, Спинозу, Лейбница; постигал системы Коперника и Ньютона.

В мировой и российской истории есть такое явление, как странничество. Что подвигает человека отказываться от имущества, нести тяготы постоянных странствий, знакомясь с новыми людьми в новой обстановке? Особый ли склад характера,

легкое отношение к материальной части жизни или какая-то устремленность к новизне? Сковорода много и легко странствовал, сознательно отказавшись от оседлого образа жизни в 1770-е годы.

Жил один, но никогда не тяготился одиночеством, постоянно пребывая в трудах. Писал философские диалоги и трактаты, письма, сочинял стихи и музыку, играл на скрипке, флейте, бандуре, гусях. Странствуя, много беседовал с людьми на сокровенные для философа темы.

Один из первых биографов Сковороды Г. Гесде Кальве писал: «В крайней бедности переходил Сковорода по Украине из одного дома в другой, учил детей примерам непорочной жизни и зрым наставлениям. Одежду его составляли серая свита; пищу — самое грубое кушанье. К женскому полу не имел склонности; всякую неприятность сносил с великим равнодушием. Проживши несколько времени в одном доме, где всегда ночевал в саду под кустарником, а зимой в конюшне <...> пускался дальше. Никто, во всякое время года, не видел его иначе, как

пешим»⁸. Отсутствие привязанности Григория Сковороды к материальному отмечали все. Другой биограф, И.И. Срезневский, пишет: «Он мог бы составить себе подарками большое состояние. Но что ему ни предлагали, сколько ни просили, он всегда отказывался, говоря: “Дайте неимущему”, а сам довольствовался только серой свитой»⁹. Сковорода, не занимая никаких постов, был так знаменит, что еще при жизни была составлена его биография «Житие Сковороды»¹⁰.

Прижизненный портрет Г.С. Сковороды (написан в селе Ивановка художником Г. Лукьяновым весной 1794 г., за полгода до кончины мыслителя)

⁷ Ковалинский М.И. Жизнь Григория Сковороды // Сковорода Г.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1973. С. 403.

⁸ Соловейчик С.Л. Час ученичества. Жизнь замечательных учителей. С. 31.

⁹ Там же.

¹⁰ Напечатана в 1886 году в «Киевской старине» (IX книга); составлена ближайшим учеником Сковороды М.И. Ковалинским, с предисловием профессора Н.Ф. Сумцова.

Заповедь преодоления в себе всего мирского показывает, что в своем понимании *мира* Сковорода очень близок к православной аскетике, для которой «мир» – это совокупность страстей, а отказ от него – начало умного делания. «Скажи мне, – спрашивает гость, – чем ты в дремучей своей пустыне забавляешься? Я бы в ней умер от скуки». Пустыжник отвечал: «Скажи ты прежде, что тебя веселит в общежительстве? Я бы в нем умер от грусти»¹¹. В русле этих идей высказывается известный исследователь русской философско-религиозной мысли С.С. Хоружий. «Согласно православному исихазму, высший смысл и цель бытия – возведение тварного к Богу и преображение мира»¹². Отсюда задание и суть православного подвига – обожение. Этот высший религиозный идеал, «с его непостижимой высотой, и создает всю специфику и всю апорийность исихазма, а следом за ним и всей православной духовности»¹³.

Некоторым людям для самопознания необходим душевный покой, закрывающий человека от мятежа чувств, пререкания языков, мнения света. Так, Григорий Богослов разъяснял: «Для меня всего кажется лучше, как бы замкнув чувства, отрешившись от плоти и мира, без крайней нужды не касаясь человеческого, беседуя с самим собой и с Богом, жить превыше видимого»¹⁴. Василий Великий считал, что с «возмущенным сердцем» никогда нельзя приступать к познанию, прежде следует «произвести совершенное безмолвие в сокровенной хранилище советов сердца»¹⁵.

Таким образом, внешняя социальная активность человека заменялась напряженной внутренней жизнью. Ставя перед собой предельную задачу, эти люди понимали необходимость сокращения внешних раздражителей для облегчения ее решения. Те же, кто прошел через подобный опыт сравнения жизни в миру и жизни вне мира, знают, что порой сизифов труд проще и легче, чем интроспекция и мелиорация себя самого.

Эта устремленность к преображению невозможна без интенсивной деятельности, а именно деятельности по очищению сердца. «По словам святого Исаака Сирина, – пишет В.Н. Лосский, – сама жизнь ума является делом сердца, чистота сердца возвращает уму целостность созерцания. Следовательно,

деятельная жизнь – делание – состоит в очищении сердца»¹⁶. Эта глубокая истина была известна мудрецам с древности, так в книге «Гуань-цзы» сказано: «Сердце сердца напоминает нам то, как мысль предшествует слову, за звуком следует явление»¹⁷.

Именно Сковорода первым в русской религиозной философии призвал народ к чистоте мысли, или, говоря современным языком, к ее экологии, считая мысль прямым следствием качества человеческого сердца. Человек есть то, о чем он думает. Высшее творчество слагают переливы сердец людей, считал мыслитель. Он записывал жизнь сердца так, как она открывалась человеком и для человека в ее всеобщности, необходимости и свободе.

Современники сравнивали его с Сократом, да и сам он утверждал, что «восхотел быть Сократом на Руси»¹⁸. Ему это удалось в полной мере. Подобно знаменитому афинянину древности, Сковорода не разделял теории и практики, философской рефлексии и личных нравственных правил, высоких принципов и реальной жизни. Автор монографии об украинском философе В.Ф. Эрн пишет: «Вся жизнь Сковороды есть огромный и глубоко интересный метафизический эксперимент, и его философия есть не что иное, как логическая запись этого эксперимента»¹⁹. Известный российский философ Л.Н. Столович отмечает, что Сковорода жил, как учил, и учил, как жил²⁰. Вот почему, ведя жизнь скитальца-созерцателя, мыслитель, ощущавший и постоянно провозглашавший себя и Сократом, и подлинным христианином, подражал не только греческим философам, но и апостолам и ветхозаветным пророкам, о которых сказано: «И радовались, и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле...» (Евр. 11, 13). Может быть, поэтому Сковорода, будучи одним из самых образованных людей XVIII века в России, «постоянного места жительства <...> не имел и считал себя пришельцем на земле в полном смысле этого слова»²¹.

А.Ф. Лосев писал: «Это был истинный Сократ на русской почве, и не меньше, чем греческий Сократ, он видел свою жизненную задачу в духовном рождении человека, в посвящении его в философию. Основная идея философии Сковороды – антропологизм. Познание возможно только через человека. Человек – это микрокосм. Единственная истинная

¹¹ Сковорода Г.С. Сочинения. Минск: Современный литератор, 1999. С. 227.

¹² Хоружий С.С. О старом и новом. СПб., 2000. С. 202.

¹³ Там же.

¹⁴ Сковорода Г.С. Жизнеописание. Сочинения. Киев-М.: Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. С. 104.

¹⁵ Там же. С. 68.

¹⁶ Лосский В.Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. М., 1991. С. 153.

¹⁷ Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2 т. Т. 2. М., 1973. С. 54.

¹⁸ Соловейчик С.Л. Час ученичества. Жизнь замечательных учителей. С. 31.

¹⁹ Эрн В.Ф. Борьба за Логос. Г. Сковорода. Жизнь и учение. С. 5.

²⁰ Столович Л.Н. История русской философии. Очерки. М., 2005. С. 55.

²¹ Воецкая Т.В., Чунаев А.А. Курс философии. Одесса, 1999. С. 382.

Литературно-мемориальный музей Г.С. Сковороды в селе Чернухи Полтавской области

жизнь – человеческое сердце – есть инструмент этого познания»²². Для Сковороды процесс познания заключался в вечном поиске пути к истине, и этот путь идет через веру «внутреннего ока», любовь «нетленного сердца», так как только оно способно воспринимать «нетварный свет» истины. Истина же приобщает нас к вечности. «Вечность едина, она есть беспечалие, постоянство, надежда. Положим сердца наши в силу ее»²³. В диалоге «Кольцо» автор заключил: «Что есть Вечность? То, что Истина. Что есть Истина? То, что пречистое, нетленное и Единое. То, что везде, всегда во всем есть»²⁴.

Любовь как вечный союз между человеком и Богом

В своем представлении об истине Сковорода исходит из принципа познаваемости мира. Истина познаваема благодаря тому, что Бог открывает себя миру, сообщает о себе через божественные энергии или «лучи Божества», пронизывающие мир и данные в сокровенном опыте как «свет, во тьме стихий светящийся»²⁵. Слова «Бога называют светом не по его существу, но по Его энергии», высказанные Григорием Паламой еще в XIV веке в споре о реальности Фаворского света²⁶, выражают онтоло-

гическую позицию философа Сковороды. Однако основное условие, при котором человеку открывается глубочайший смысл существования, – это утишение страстей, «умягчение злых сердец», стремление к божественному безмолвию внутри себя.

Именно поэтому он настойчиво убеждал очистить «плотское каменное сердце» и обрести «внутреннее истинное око» для восприятия истины. Но как платоник и христианин Сковорода понимал, что невозможно достичь истины без любви. «Вся десятилетия сила вмещается в одном имени – *любовь*. Она есть вечный союз между Богом и человеком. Она огонь есть невидимый, которым сердце распаляется к божиему слову или воле, а посему и сама она есть Бог»²⁷.

Центральное место в философии Сковороды занимает человек и то, к чему он должен стремиться, – счастье всего человечества. Свою приверженность судьбе народа он определил уже на заре литературной деятельности, утверждая: моя жизнь – с «голяками». Видя главный смысл существования в самосовершенствовании, в слиянии с Богом, Сковорода, однако, не требовал, чтобы все люди шли этим путем. «Главная цель человеческой жизни – дух человека, мысли, сердце. Каждый имеет свою цель в жизни, но не каждый глав-

²² Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. С. 217.

²³ Ковалинский М.И. Жизнь Григория Сковороды. С. 410.

²⁴ Сковорода Г.С. Соч. в 2 т. Т. 1. М., 1973. С. 404.

²⁵ Сковорода Г.С. Жизнеописание. Сочинения. С. 312.

²⁶ См. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. С. 164.

²⁷ Сковорода Г.С. Соч. в 2 т. Т. 1. С. 120.

ную, то есть не каждый заботится о *голове* жизни... Философия является любовью к мудрости, она направляет все к тому, чтобы дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, свет мыслям»²⁸. Трудно, на наш взгляд, дать лучшее определение смысла философии. Для Сковороды жизнь сердца и философия слились в главной задаче: «удобнее выполнить заповедь любви к ближнему, в искании славы божией, а не славы человеческой»²⁹.

Его концепция человека опиралась на понятие *внутреннего человека*, которое святоотеческая традиция определяет как единство сердца и ума, и на понятие *сродства*, которое позже получило развитие у славянофилов и характеризовало целостное отношение человека к миру. Обращение к внутреннему человеку создает особое исследовательское поле сознания, в котором всесторонне выясняется феномен человека эмпирического и сущность человека внутреннего, а принцип «познай самого себя» направляется внутрь, к центру личности и к очищению сердца от мирского. Главная цель процесса самопознания – обретение божественной свободы в чистоте сердца.

О смысле человеческой жизни Сковорода писал: «Блажен тот, кто с колыбели посвятил себя Христу, взял иго благое и бремя легкое и привык к нему. Свята такая жизнь. Ни нищета, ни несчастья не будут тяжелы ему; ни огонь, ни меч не разлучит его со Христом. Христос, жизнь моя, умерший за меня! Уничтожь черствость моего сердца, зажги в нем Твой огонь, чтобы во мне умерли страсти и злые желания, и чтобы я жил для Тебя, Свет мой!»³⁰ В этих словах заключена высочайшая духовная заповедь философа, которая далека от бездушного теоретизирования.

К учению о человеке и его сердце примыкает учение о слове, его нравственной силе и духовной энергии. Любой собеседник, по мнению Сковороды, есть сеятель слов в сердцах человеческих, а возвышенный разговор есть способ такого сеяния – «будто взаимное сердце лобызание»³¹. Мощный символ семени присутствует практически во всех культурах. В христианстве он – в притче о сеятеле,

где «семя», по объяснению Спасителя, «есть слово», и Евангелие от Иоанна говорит нам, что «все чрез Него начало быть» (Иоан. 1:3). Исследователь творчества П.А. Флоренского Н.И. Никитина пишет: «Флоренский сопоставляет слово с семенем, словесность с полом, говорение с мужским, активным началом, слушание – с женским, пассивным; действие на личность – с процессом оплодотворения и т. д. В этих параллелях сразу узнается эротическая теория знания Сократа и Платона»³², да и «сама Академия была построена на началах гнозиса эротического», и, по утверждению того же Флоренского, «воистину и Платон видел в слове семенность»³³. Таким образом, «слово, как посредник между миром внутренним и миром внешним, то есть будучи амфибией, живущею и там и тут»³⁴, невидимо выстраивает связи между мирами, соединяя в себе энергию не только говорящего, но и всего народа в пространстве и времени. П.А. Флоренский заключает: «В прослойках семемы»³⁵ слова хранятся неисчерпаемые залежи энергий, отлагавшихся тут веками и истекавших из миллионов уст»³⁶.

Тогда, в конце XVIII века, философская наука ничего подобного не утверждала и не знала. Обо всем этом было сказано и написано лишь в начале XX века представителем науки космического мышления. А задолго до этого этика Сковороды строилась на поиске оснований нравственного сознания человека. Важнейшими элементами его этики были взаимосвязанные человеческие качества: самопознание и добродетель. И снова возникает сократовский мотив – познай самого себя. «Познать себя самого, и сыскать себя самого, и найти человека – все сие одно значит»³⁷. Самопознание начинается с неосуждения: «Не суди по лицу ничего, никого, ни себе»³⁸. Другими словами, о человеке и о себе необходимо делать выводы не по внешним признакам, а по внутренней сути – по сердцу, мыслям и делам. «Добры плоды», по словам Сковороды, результат «благих дел». Корень «благим делам» находится в самой природе человека – в ее сердцевине – и «природа благая есть всему начало, и без нея ничто не бысть»³⁹. Главное – исток всей жизни – фи-

²⁸ Ковалинский М.И. Жизнь Григория Сковороды. С. 403.

²⁹ Там же. С. 383.

³⁰ Толстой Л.Н. Г.С. Сковорода. С. 38.

³¹ Сковорода Г.С. Соч. в 2 т. Т. 1. С. 413.

³² Никитина Н.И. Онтологическое единство мира в философии Павла Флоренского / Дис. канд. филос. наук. М., 1999. С. 69.

³³ Флоренский П.А. Соч. в 2 т. Т. 2. Ч. I. М., 1990. С. 271–272.

³⁴ Там же. С. 252.

³⁵ Семема (от греч. *semáino* – «обозначаю») – единица языкового содержания (смысла); термин, образованный по аналогии с терминами фонема, морфема.

³⁶ Флоренский П.А. Соч. в 2 т. Т. 2. Ч. I. С. 270.

³⁷ Сковорода Г.С. Соч. в 2 т. Т. 1. С. 127.

³⁸ Табачников И.А. Григорий Сковорода. М., 1972. С. 154.

³⁹ Там же.

лософ видит в человеческом сердце и мыслях, которые оно порождает. «Благая природа» – результат «благого сердца», «благое сердце» – результат «благих мыслей», «благие мысли – семя благих дел»; «все же прочее человеческое: чин, богатство, науки <...> вменяю во хвост, без коего голова и живет, и чтится, и веселится, но не хвост без головы»⁴⁰.

Этика зиждется на истине, правде и добродетели. Они – основа нравственного поведения человека, его духовных порывов и разумного социального общежития. «Хочешь ли быть царем?.. Достань же себе свыше сердце царское... Дух правды, он-то есть сердце царево... Сей дух да царствует в тебе!»⁴¹

Поиск оснований нравственного сознания

Сковорода считал, что обладатель роскошных дворцов, дорогой одежды, золота и серебра – это ложный человек. Он призывал, обращаясь к простому народу: «Сыне, храни сердце твое... Не взирай на то, что твое телишко есть убогая хижинка. В хижине той и под убогою тою одеждою найдешь царя твоего, отца твоего, дом твой, ковчег его и спасение твое. Не будь царем, а имей сердце царское, ибо правда – это царь без маски»⁴². Сердце, в толковании Сковороды, – это не просто орган тела, а специфичное, невыразимое словами средоточие души или ядро человеческой природы. Все имеет в сердце свою сущность; сердце – это бездна, которая все собою обнимает; сердце – это квинтэссенция человека и зерно нашего естества, это сила, которой питает жизнь. Мыслитель трактует сердце как самый глубокий духовный символ, занимающий центральное место в религиях и культурах всех народов. «Море от нас далече, а Господь наш внутри нас есть, в сердце нашем. Если кто странствует по планетам, бро-

дит век свой по историям, кто может знать, что делается в сердце?»⁴³ Внешнее в человеке, согласно Сковороде, есть лишь маска, прикрывающая духовную сущность сердца.

Непосредственно с нравственным началом связано и счастье человеческое. «Счастье наше внутри нас. Пускай никто не ожидает счастья ни от высоких наук, ни от почетных должностей, ни от изобилия – нет его нигде. Оно зависит от сердца, сердце от мира, мир от звания, звание от Бога. Тут конец: не ходи далее»⁴⁴. На Руси были особые причины для настойчивого возвращения к библейским заповедям, и просветитель Сковорода свидетельствовал о том, что Дух обитает в сердце, ведь речь шла о понятиях русской культуры, без которых невозможна истинная ее «сердечность»⁴⁵.

Таким образом, в основополагающих идеях Сковороды ассимилировались принципы античной мысли, патристики⁴⁶ и современного ему христианства. Особенно близкой кажется гносеология Платона, его образ пещеры в трактате «Государство», его мысль о поверхностном, «теновом» представлении человека о подлинном мире, скрытом за завесой замутненного сознания. Подобный универсальный подход позволил Сковороде не только плодотворно проработать основные разделы философии. Он оставил нам учение о духовном потенциале человека и мира. В нем переплелись взаимодополняющие монистические и дуалистические позиции, показывающие, во-первых, существо феноменальных представлений человека о себе самом, во-вторых, методологию познания истинного человека, в-третьих, непосредственную связь истинного человека с его ближним и дальним окружением, с мировым бытием.

Чтобы рассмотреть эти монистические и дуалистические позиции, вернемся к учению о человеке и его сердце. Любимым автором Сковороды был греческий историк и моралист Плутарх. Из его про-

⁴⁰ Табачников И.А. Григорий Сковорода. С. 154.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Сковорода Г.С. Сочинения. С. 143.

⁴⁴ Там же. С. 192–193.

⁴⁵ Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии. Нью-Йорк, 1955. С. 20.

⁴⁶ Патристика (от греч. *patēr*, лат. *pater* – «отец»), термин, обозначающий совокупность теологических, философских и политико-социологических доктрин христианских мыслителей II–VIII веков.

изведений Григорию Саввичу особенно нравились «Моралии», он перевел пять из них: «О смерти», «О божием правосудии», «О хранении от долгов», «О возделении богатства» и «О тишине сердца». К сожалению, сохранился только последний, представляющий собой памятник русской культуры второй половины XVIII века. Сковорода истолковал философские идеи Плутарха в соответствии со своим собственным учением, снабдил авторским предисловием и примечаниями, что и определило название работы – «Толкование из Плутарха о тишине сердца». Здесь он оставил без ответа вопрос различий толкования сердца в стоицизме и христианстве, но в притче «Благодарный Еродий» (1787) уже нарисовал точный образ «благого сердца»: «Благая природа и высшая красота есть благое сердце. Сердце благое есть то же, что приснотекущий источник, источающий чистые мысли»⁴⁷.

Философское учение о познающем сердце

Один из своих основных философских трудов – «Наркисс. Разговор о том: узнай себя» – Сковорода создал в конце 1760-х годов. Эта работа во многом определила характер последующих произведений и обозначила главное направление его философских исканий – узнать себя, найти в себе «истинного человека», «испытать свое сердце крепко». В «Наркиссе» разворачивается философское учение о сердце, как центре и целостном начале душевной жизни человека. «О, сердце, бездна всех вод и небес ширшая! Сколь ты глубока! Все объемлешь и содержишь, а тебя ничто не вмещает»⁴⁸, – восклицал мыслитель. Если человек понимает иерархичность мира и себя как его части и достигает своего сущностного проявления через сердце, то все его поведение и сам он становятся просвещенными в полном смысле этого слова. Сковорода так говорил об этом феномене: «Сердце твое есть голова внешностей твоих. А когда голова, то сам ты есть твое сердце»⁴⁹. Таким образом он обосновывал идею самопознания человеком своей духовной сущности как необходимого условия достижения внутренней гармонии.

В противовес Просвещению и европейскому рационализму XVIII века Сковорода развил своеоб-

разную метанауку человека, основанную на христианстве и платонизме, и собственное учение о сердце. Продолжая линию великих отцов церкви, он мечтал создать особую, общую и универсальную науку о сердце, которая должна повести людей к счастью и заложить основание как теоретической, так и практической философии. Наркисс в представлении мыслителя – это не самовлюбленный герой мифов; в процессе самопознания он преобразился в источник энергии и света, стал «орлиным птенцом орлиной матери фиваидской премудрости»⁵⁰.

Человек в сердце своем должен найти последний критерий, основание познания и жизни. «Я без сомнения понимаю, что все внешние наши члены скрытое существо свое в сердце имеют так, как пшеничная солома содержится в своем зерне, – писал Сковорода. – Истинный человек есть сердце в человеке, глубокое же сердце и одному только Богу познаваемое не иное что есть, как мыслей наших неограниченная бездна, просто сказать, душа, то есть истое существо, и суцая иста, и самая эссенция, и зерно наше, и сила, в которой единственно состоит жизнь наша»⁵¹. Этими словами, на наш взгляд, философ выразил древний принцип познания, известный еще в античной Греции: в малом – великое, в великом – малое. В XX веке физическая наука обосновала этот принцип в качестве голографического. Он позволил объяснить многие сущностные явления природы.

О сердце как первоисточнике научного поиска говорил выдающийся русский физик профессор Н.А. Умов. В приветственном адресе, прочитанном в торжественном собрании Императорского Московского университета и Общества любителей российской словесности по случаю столетнего юбилея А.С. Пушкина, он отмечал: «Томимые духовною жаждою, мы исследуем камни и элементы жизни, из которых построены и те связи, которыми скреплено мироздание; отдаваясь этой трудной, подчас тяжелой работе, мы памятуем ободряющее слово великого поэта, связующее нашу кропотливую деятельность с первоисточником жизни – с сердцем человеческим»⁵².

Само понятие сердца неоднозначно. О наличии физического сердца знает каждый, однако мы имеем в виду не физический, а онтологический, бытийный аспект. Сердце в истинном его качестве

⁴⁷ Сковорода Г.С. Соч. в 2 т. Т. 2. С. 115.

⁴⁸ Там же. С. 136.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 123.

⁵¹ Там же. С. 142.

⁵² Умов Н.А. Собр. соч. Т. 3. Речи и статьи общего содержания. М., 1916. С. 147.

пока далеко не раскрыто и для самого человека, так как имеет несколько бытийных пластов.

Сковорода предложил несколько постулатов о сердце. Духовно-энергетически сердце неисчерпаемо. Оно несет в себе первоисточник всего сущего, божественную энергию, следовательно, в значительной или полной мере отвечает за качество сознания. Сердце – источник, питающий жизнь индивида, и вновь речь идет не о физическом, а о бытийном, истинном, неисчерпаемом и бессмертном сердце, которое обнимает собою все. «Правду сказать, – писал он, – помню слово Иеремии: “Глубоко сердце человека, паче всех, и человек есть, и кто познает его?”»⁵³.

Необходимо отметить, что глубокие, предельные обобщения Сковороды отнюдь не являются философскими абстракциями. Можно сказать о метафизике сердца, однако было бы совершенно неверным говорить о метафизическом сердце. Речь как раз идет о практических вещах. Да, сердце есть тайна, поскольку грубое и ограниченное сознание не в силах познать истинного сердца, его космических качеств и космической силы. «Для Сковороды, – пишет В.Ф. Эрн, – ключ ко всем разгадкам жизни, как космической, так и божественной, есть человек, потому что все вопросы и все тайны мира сосредоточены в нем... Не разгадав себя, человек не может ничего понимать в окружающем; разгадав же себя до конца, человек проникает в самые глубокие тайны Вселенной»⁵⁴. Человек есть микрокосм. В таком случае человек не может ничего познать иначе как через себя. По Сковороде, человек есть сердце и познание его для бытия⁵⁵. Философ словно бил в набат, стремясь указать человеку, что за видимой плотью, поверхностным восприятием окружающего, грубой мыслью, страстным побуждением пребывает невидимое сокровище. «Если в твоём доме сокровище зарыто, а ты про него не знаешь, слово в слово, как бы его не бывало. Итак, познать самого себя, и сыскав себя самого, и найти человека – все сие одно значит»⁵⁶.

Следует обратить внимание на двойные оппозиции, введенные Сковородой. С одной стороны, тело земляное, прах земляной плоти, смертная плоть, плотское сердце, затверделое сердце, каменное сердце, черствое сердце, грубое сердце, старое сердце. С другой – новый человек, тайное духовное тело, вечное тело, тонкое сердце, духовное

сердце, новое сердце, сокровище мира. Обобщая видимость и невидимость, эта оппозиция действительно существует. Она – практика человеческого бытия. Незнание собственной сущности сопрягает человека всю его историю. Всегда были единичные провидцы, такие как Сократ, Платон, Сковорода и др., и массы людей, принимающие мнимое за действительное. «Враги твои суть собственные твои мнения, воцарившиеся в сердце твоём и всеминутно его мучащие, сплетники, клеветники и противники божьи, бранящие непрестанно владычное в мире управление и древнейшие законы обновить покушающиеся...»⁵⁷

Поэтому Сковорода и учил «видеть все вдвое» – видимое и невидимое, явное и сокровенное, учил отличать «тело земляное» от «тела духовного, тайного» и указывал, в соответствии с принципом иерархического строения бытия, что «если есть тело над твоим телом, тогда есть голова над *головой* и выше старого *новое сердце*»⁵⁸. Именно о новом, духовном сердце говорил мыслитель. Оно есть глубинное, таинственное средоточие в человеке, где непостижимым образом представлено все, и даже «наши члены имеют в сердце свою сущность»⁵⁹. Поэтому «кто старое сердце отбросил, тот сделался новым человеком. Горе сердцам затверделым»⁶⁰, – писал он.

Двойные оппозиции, обозначенные Сковородой, действительно существовали и существуют в практике многих и многих поколений. Они не изжиты и по сей день, несмотря на то, что знание о них давалось людям с античных времен. Однако Сковорода, как его предшественники и последователи, считал, что эти оппозиции со всеми их историческими корнями подлежат уничтожению. Их возможно и необходимо выкорчевать, добиваясь того, чтобы плотское, смертное, грубое, скотское стиралось, истончалось, слабело и уходило из человеческого сердца, а вместе с ним и из тела, из самой человеческой природы. По существу, Сковорода, не будучи оригинален в рецептах очищения души, поведал миру рецепт преображения и бессмертия. Ведь скотскому смертному сердцу соответствует такое же тело, а чистому тонкому сердцу – духовному сокровищу – обновленное вечное тело.

Эти противоречия являются или должны быть временными, несмотря на их долговечность. Их снятие – возможное, необходимое, закономерное

⁵³ Сковорода Г.С. Соч. в 2 т. Т. 1. С. 129.

⁵⁴ Эрн В.Ф. Борьба за Логос. Г. Сковорода. Жизнь и учение. С. 492–493.

⁵⁵ Там же. С. 494.

⁵⁶ Сковорода Г.С. Сочинения. С. 32–33.

⁵⁷ Там же. С. 119.

⁵⁸ Сковорода Г.С. Соч. в 2 т. Т. 1. С. 136.

⁵⁹ Зеньковский В.В. История русской философии. В 2 т. Т. 1. Ч. 1. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. С. 81.

⁶⁰ Сковорода Г.С. Сочинения. С. 60.

ное – приведет человечество к новому качеству существования.

Метанаучные интуиции мыслителя

Философия Сковороды отвечает и на вопрос, каково отношение нового духовного человека к миру, как они соотносятся, есть ли между ними зависимость и какого она рода.

Вернемся к мысли о том, что сердце человеческое объемлет *все*. Плотское скотское тело, равно как и черствое сердце, не могут обнимать мира, вмещать в себя бесконечность и вечность. Речь идет о новом, духовном, просветленном сердце. Именно оно соотносится с миром так, что может выступать в качестве микрокосма, вмещающего в себя макрокосм. И здесь надо отметить, что соотношение возможно лишь в том случае, если существует однородность между двумя феноменами: сердцем и миром. Только при этом условии, взаимодействуя, они образуют космос, то есть мировой порядок, стройное единство.

Сковорода, указывая на эту однородность, раскрывает и ее содержание. Не только человек имеет духовное сердце, оно присуще также природным вещам и процессам. Исходя из этого, весь мир осмысливается философом как многогранная мозаика биения духовных сердец. В ней каждое сердце имеет свой ритм, движение, пространство и время, но при этом оно определенным образом связано со всеми сердцами в единое всемирное сердце.

Так цветок тянется от земли вверх – к солнцу, обмениваясь энергиями и любовью со всем, что рядом с ним в пространстве. Он живет своей жизнью и в собственном времени, но оно сообщается со временем множества «вещей-существ-душ» (по выражению Флоренского), а также со Временем Мироздания. Позднее в исповедальной прозе Флоренский напишет о бесконечно сложном узоре мировой жизни и пульсации времен, которые он ребенком научился чувствовать и слышать в «ритмическом построении морского прибора»⁶¹.

Из мироощущения Сковороды самым логичным образом вытекает панпсихическая идея: «Должно показать, что не только в одном человеке, но и в прочих тварях невидимость первенствует <...> То же разуметь можно о травах

и деревьях и о всех прочих. Дух все вылепливает. Дух и содержит»⁶². Эта мысль близка теории о ноосфере ученого-космиста В.И. Вернадского, который утверждал, что именно Дух Вселенной равномерно лепит живое вещество планеты.

Сковорода интуитивно понимал глубинное равенство всех созданий, всех форм природы: «Бог богатому подобен фонтану, наполняющему различные сосуды по их вместимости. Над фонтаном надпись сия: “Неравное всем равенство”. Льются из разных трубок разные токи в разные сосуды, вокруг фонтана стоящие. Меньший сосуд меньше имеет, но в том равен есть большому, что равно полный есть. И что глупее, как равное равенство, которое глупцы в мир ввести всеу покушаются?»⁶³

В истории русской культуры Григорий Сковорода стал отправной точкой развития философии и своеобразным мостом, соединившим религиозное знание о сердце с философским. Основная черта глубокого духовного родства учения Г.С. Сковороды с его последователями – жизнь познающего сердца. Метанаучные интуиции мыслителя нашли свое подтверждение в философии сердца П.Д. Юркевича, Вл.С. Соловьева, П.А. Флоренского и др., а также в современных научных теориях: частным образом – в учении эниволеологии, наиболее общим – в теории энергоинформационного поля.

Учение странствующего философа-подвижника XVIII века представило нам отлично аргументированную монистическую картину мира, в котором противостояние человека и космоса неизбежно сменяется совместным биением духовных сердец участников бытия. Закономерно, что учение сердца зародилось, развивалось и кульминировало в России, так как исторически русский народ, приняв преемственно идею сердца Галилейского Учителя в чистом виде, дал ей творческое развитие в религии, отечественной духовно-философской мысли и общественно-государственной жизни, что приносило и будет приносить свои благодатные плоды всему человечеству. Будущая культура духа, безусловно, развивается на основе сердца – тех непосредственных и глубоких переживаний любви и дружбы, которые зарождаются в его недрах и целительно изливаются в мир.

⁶¹ Флоренский П.А. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. М., 1992. С. 51.

⁶² Сковорода Г.С. Сочинения. С. 39, 41.

⁶³ Там же. С. 186–187.